

ВСЕСОЮЗНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1976 ГОДА

В целях дальнейшего развития научно-исследовательской работы студентов гуманитарных факультетов вузов страны с 10 по 12 марта 1976 г. на базе исторического факультета МГУ была проведена Всесоюзная этнографическая студенческая конференция «Вопросы этнографии».

В ее работе приняли участие студенческие делегации и отдельные представители от 18 вузов РСФСР, Украины, Литвы, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии. Наиболее представительными были делегации от Московского, Ленинградского, Киевского, Тбилисского, Ижевского государственных университетов.

Конференция заслушала 34 доклада, подвела итоги полевой и научно-исследовательской работы студентов-этнографов названных вузов, обсудила формы развития и углубления этой работы, вынесла решение по конкретным вопросам организации следующей Всесоюзной конференции студентов-этнографов в Киеве на базе исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

На пленарные заседания было вынесено шесть наиболее важных докладов: М. Попов (Ижевск) «Теоретические проблемы этноса в советской этнографической литературе», В. Олейник (Киев) «К вопросу о современных этнолингвистических процессах в Украинской ССР», Ш. Кадыров (Ашхабад) «Некоторые аспекты этнодемографических процессов в Туркмении XIX в.», И. Асцартян (Ереван) «Традиционные способы воспитания детей у армян», О. Опарина (Москва) «Похоронный обряд чукчей и коряков Камчатки как признак этнической специфики», Н. Зотов (Москва) «Статус вождей в доколониальной и колониальной Анголе».

Остановимся на наиболее интересных из них. Так, в открывшем пленарное заседание докладе М. Попова говорилось об основных направлениях в изучении этноса как этносоциального организма, обладающего интегральной и динамической совокупностью специфических признаков и свойств, передаваемых посредством традиции от поколения к поколению. Определенный акцент делался на попытках выделения структурных компонентов и функциональных механизмов исторического бытия этноса. При этом указывалось на необходимость разработки единого понятийного аппарата такого исследования.

Интересные соображения о применении методов современной демографии к проблеме воспроизводства туркменского населения в историческом прошлом представлены в докладе Ш. Кадырова «Некоторые аспекты этнодемографических процессов в Туркмении XIX в.». Заново изученные факты не позволяют согласиться с существующим мнением о примерно «сбалансированном» естественными и социальными причинами «традиционном» (без заметной численной прибыли и качественных изменений) демографическом уровне народонаселения этого среднеазиатского региона. Автор анализирует конкретные изменения в хозяйственном (в связи с начавшимся переходом к оседлости), экономическом (в связи с расширением общественного разделения труда и углублением классовых противоречий) и социально-бытовом (в связи с расширением культурных отношений с Россией) развитии Туркмении на протяжении почти всего XIX в. Это позволяет выделить реально возникшие в процессе указанного развития новые социально-экономические факторы, которые в совокупности с действием традиций (устойчивой ориентацией на многодетность) в «демографическом поведении» туркмен в целом благоприятствовали не только простому, но и расширенному воспроизводству населения, особенно усилившемуся после вхождения Туркмении в социально-экономическую систему Российского государства.

Важной, но сравнительно редко исследуемой проблематике этнопедагогики был посвящен доклад И. Асцартян «Традиционные способы воспитания детей у армян». Используя собственный полевой материал и записи предшествующих исследователей в северо-восточных районах Армении, она проследила особенности всего цикла воспитания мальчиков и девочек в аспекте трех последовательных (в онтогенезе) этапов восприятия и усвоения норм социального поведения: а) познавательно-игрового;

б) познавательно-трудового; в) периода включения в самостоятельную трудовую и социально-бытовую деятельность. В докладе отмечено, что важной составной частью этого процесса социализации было воспитание молодежи в духе этнических традиций армянского народа.

Остальные доклады (28) были заслушаны на заседаниях трех параллельно работавших секций: «Этническая история и этнические особенности культуры» (11 докладов); «Социальная организация и семейный быт» (7 докладов); «Материальная и духовная культура» (10 докладов). Отдельные доклады вызвали оживленный обмен мнениями.

Целый ряд докладов был посвящен характеристике специфических форм взаимодействия традиций и новаций в семейном быту и свадебной обрядности у различных народов СССР. Назовем, например, доклад Г. Макенбаевой (Фрунзе) «Изменения в численном составе киргизской семьи за годы Советской власти», в котором со ссылкой на современные этносоциологические исследования показаны различия в динамике численного состава киргизской семьи по хронологическим периодам и социодемографическому (отдельно для городского и сельского населения) признаку. При этом Г. Макенбаева указала, что в селах семьи наиболее многодетны и приверженность их этническим традициям и обычаям значительнее. Среди киргизов-горожан влияние старых семейных обрядов и привычек уже сильно ослаблено, в частности, вполне сознательно, исходя из реальных жизненных возможностей, регулируется количество детей в семье, возрастает забота об их здоровье и образовании.

Воздействию новых форм быта на очень замкнутые в недавнем прошлом микрогруппы среднеазиатских цыган был посвящен доклад А. Маджидова (Душанбе) «Некоторые семейно-бытовые обычаи и обряды цыган Таджикистана (Яванский р-н)», написанный на полевых материалах, собранных им в 1973—1975 гг. Докладчик отметил, что несмотря на сохранение в свадебной, родильной, похоронной обрядности и в семейно-брачных отношениях некоторых архаических элементов, во взаимоотношениях супругов младшего поколения наблюдается стремление к преодолению этих пережитков, повышение самостоятельности жены и уважительного отношения к ней со стороны мужа. А. Маджидов привел много фактов, свидетельствующих о ставшем обычным включении цыганских семей в производственную и бытовую сферы жизни местных колхозов и совхозов.

О труде и семейном быте енисейских кетов рассказывалось в докладе Ю. Карпова (Ленинград). Материалы, полученные им во время экспедиции 1975 г., убедительно свидетельствуют о развитии хозяйственной деятельности в технически модернизированных формах и заметном повышении материального благосостояния небольшого кетского народа, о его численном росте, в том числе за счет смешанных браков (до 10%) с селькупам, эвенками, русскими и другими народами (дети от таких браков часто записываются кетами по национальности).

Внимание участников конференции привлек доклад Н. Ушакова (Ленинград), в котором подведены основные итоги этнографического изучения жилища восточных славян и сделан упор на перспективность применения в этой области новой методики — исследования зависимости типа жилища от его функционального назначения, которое исторически изменялось в соответствии с развитием культурно-бытовых потребностей народа.

Методике и программе изучения традиционных похоронно-обрядовых комплексов разных этнических групп Камчатки, тесно соприкасающихся друг с другом, был посвящен доклад О. Опариной (Ленинград) «Похоронный обряд чукчей и коряков Камчатки как признак этнической специфики».

Подводя общий итог работы конференции, можно сделать следующие выводы: а) интерес студентов-этнографов к научным исследованиям на местах, как правило, остается неизменным и живым; б) выросли местные кадры преподавателей-этнографов и заметно повысились уровень знаний студентов и их инициатива; в) эффективность этнографических исследований на местах была бы еще выше при условии тесных контактов вузов страны с кафедрами этнографии МГУ и ЛГУ, на которых сосредоточены научные кадры, принимающие активное участие в разработке проблем и методики советской этнографической науки; г) характерным в студенческой научно-исследовательской работе является то, что наряду с глубоким вниманием к традиционной этногра-

фической тематике обнаруживается серьезный интерес к современным этническим процессам у народов СССР и стремление овладеть новейшей методикой комплексного историко-культурного и этносоциологического анализа. Наконец, следует подчеркнуть, что, исследуя этнографическую проблематику, студенты стараются использовать данные смежных наук — демографии, социолингвистики и социологии.

При обсуждении докладов на заключительном заседании конференции председатель оргкомитета проф. Г. Е. Марков, а также профессора Р. Ф. Итс, К. И. Козлова, Л. П. Лашук отметили важность и новизну научных сообщений студентов и высказали пожелание, чтобы в дальнейшем внимание молодых исследователей было сосредоточено не только на разработке традиционной тематики, но и на изучении этнографическими и этносоциологическими методами характерных особенностей развивающегося социалистического образа жизни и интернациональных отношений народов СССР.

Л. П. Лашук

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Летом 1976 года кафедра русской литературы Горьковского Государственного университета продолжила изучение фольклорной традиции в Заволжье¹. С 5 по 19 июля группа студентов (17 человек) под руководством К. Е. Кореповой работала в Ковернинском районе, расположенном на северо-западе Горьковской области, в прошлом входившем в состав Костромской губернии. Экспедиция побывала во всех 11 сельсоветах района и обследовала 68 деревень, починов и выселков. Было записано около 2000 текстов, в том числе 895 частушек.

Экспедиция подтвердила вывод, сделанный в начале XX века местным краеведом, собирателем фольклора М. М. Зимним о том, что в крае более развита прозаическая традиция, чем песенная. В материалах экспедиции около 300 текстов песен, но 118 из них «жестокие» романсы и авторские песни. Традиционные семейные, любовные, хороводные, плясовые, солдатские песни представлены лишь несколькими сюжетами (с большим количеством вариантов каждый). Записаны тексты баллад: «Сестра и братья-разбойники», «Казак жену губил», «Оклеветанная жена», «Ванька-ключник», а также ряд новейших баллад. Из исторических песен записан один вариант сюжета «Битва с французами», имеющий зачин: «Вы кусты, мои кусточки, вы таловые мои...».

Участники экспедиции записали 45 сказок: 17 волшебных (сюжеты АА 313,

327 С, 480 *В, 780), 17 бытовых (АА *1425, 1535 А *В, 1539, 1600 А, 1643, 1696 А), 11 сказок о животных (АА 20 С, *61 II, 120, 122, 130, *161, *171). Среди них несколько восточных сказок, усвоенных исполнителями, сейчас людьми уже пожилыми, во время службы в армии. Зафиксированы случаи, когда в функции сказки выступают былички, рассказывающиеся с установкой на вымысел и с отрывом от конкретного факта.

В материалах экспедиции 66 преданий, большинство из них топонимические, некоторые связаны с историей заселения района старообрядцами, выходцами с Севера. Записано 7 легенд религиозного содержания, 74 былички: о дворовом (домовом), полевом, лешем, черте, змее, проклятых людях, пережинахе, которая, пробегая жнивой, срезает колосья и оставляет после себя черный след (подобное поверье в 1975 году зафиксировано в Шахунской районе: там первый сноп выставляли около дома стриге, чтобы она не «стригла» колосья).

Экспедицией сделано 17 описаний свадебного обряда. Обнаружилось, что в Ковернинском районе был распространен иной тип свадебного обряда, чем в обследованных ранее районах, расположенных по реке Ветлуге (Ветлужском, Варнавинском, Краснобаковском и Воскресенском). Причитания здесь, по-видимому, не играли такой важной роли, как в Поветлужье; не было и бани для невесты, но устраивалась баня для молодых после брачной ночи; символом девичества была елка

¹ Отчет о предыдущей экспедиции см. «Сов. этнография», 1976, № 2.